

Продолжение

28. Летом и осенью в Сухуми господствовал дух Средиземноморья, завезенный сюда понтийскими греками и армянами. Здесь готовили плов из мидий, за которыми надо было нырять и ножом отделять их от камней, жарили ставриду и кефаль. Турецкий аджаб-сандал требовал для своего изготовления баклажан, лука, помидор и болгарского перца, не говоря уже о масле, киндзе и чесноке.

Осенью шла хамса, которую вялили и жарили.

Рестораны предлагали шашлыки и цыплят табака. Всюду играла музыка. Она звучала на катерах, в кафе и ресторанах, на пляжах и просто неслась из окон. На лето и осень в Сухуми приезжали ресторанные певцы и музыканты, иногда остававшиеся в городе на зиму.

Пребывание в Сухуми и даже простой поход в ресторан мог изменить всю жизнь человека.

Сидел однажды с друзьями в ресторане «Амра» молодой, красивый парень в сверкающей белизной и золотом морской форме. Звали его Жора Попов. Он был одессит, помощник капитана одного из больших черноморских лайнеров. Праздновали его день рождения, и друзья уговорили его подняться на эстраду и спеть под аккомпанемент ресторанных музыкантов. До этого он пел под гитару. Сойти с эстрады ему не удалось. Ночью он вернулся на лайнер за вещами.

29. Летнее море было голубым, или плотным синим, иногда с примесью светло-зеленого тона.

Катера, отправлявшиеся на пляж, отходили от маленького причала по соседству с «Амрой», шли мимо сетей, на которых грелись на солнце чайки, а затем направлялись на Юг, в сторону длинной полосы пляжей и горы Синоп.

В парке у подножья горы располагались строения закрытого Физико-Технического института, где после окончания войны работали и немецкие ученые, привезенные из поверженного Третьего рейха вместе с демонтированными установками и научной библиотекой из Института физики имени кайзера Вильгельма в Берлине. На полях привезенных журналов попадались пометки и замечания, сделанные Планком и Эйнштейном. Создание этого института курировал руководитель атомного проекта Лаврентий Берия.

Работал в институте и профессор М.М.Агрест, в свое время руководивший отделом вычислительной математики в Сарове, где создавалась атомная бомба. Когда в стране начались гонения на «космополитов», он был выслан из Сарова в Сухуми.

Это был глубоко верующий человек. В юности он получил еврейское религиозное образование, но не стал раввином, ибо заинтересовался астрономией и связанными с ней разделами математики. В бытность свою в аспирантуре на мехмате МГУ он работал и в Институте Востока Академии Наук. Он знал древние языки, иврит и арамейский,

ГРЕЧЕСКИЙ
СУХУМСКИЙ

ВЪСТНИКЪ

#196

Ведущий рубрики: Георгиос Григориадис
исследователь-сухумовед, e-mail: elshum@yahoo.com

ЗАБЫТЫЙ СЕБАСТОПОЛИС

АВТОР СТАТЬИ: ИГОРЬ ГЕЛЫБАХ

и несколько современных языков. Невысокий, спокойный человек с явным отблеском мудрости в глазах, Матест Менделевич Агрест, внес свой вклад и в математические науки, и в разработку проблемы контактов с внеземными цивилизациями. Однако ему не позволяли посещать конгрессы, на которых присутствовали иностранные ученые. Институт был закрытой, или, как говорили в ту пору, «режимной» организацией.

Жил профессор со своей семьей в огромной квартире на первом этаже одного из тех домов, что были выстроены для ученых из Германии. Их привезли в Сухуми сразу после разгрома третьего рейха.

Много позднее, в середине 1990-х годов, я как-то раз побывал в гостях у одного итальянского физика в Риме. Жил он в одном из домов, построенных для ученых во времена Энрико Ферми и Муссолини. Различий в архитектуре и дизайне этих римских домов и квартир с тем, что было построено в Сухуми, почти что и не было, различие было лишь в более пышной сухумской растительности и близости моря... Если,

конечно, позабыть о человеческом факторе...

Все это подвергалось обсуждению с самых разнообразных углов...

Почти каждый год навещал его известный астрофизик Иосиф Самойлович Шкловский, друг М.М. еще со времен аспирантуры. Для меня его приезд всегда означал наступление пика лета и возможности встреч с И.С. на «Амре», где он любил пить кофе.

Иногда И.С. рассказывал о новых открытиях и сюрпризах, преподнесенных астрономом объектом его внеземной страсти, Крабовидной туманностью, которая возникла после взрыва сверхновой звезды в созвездии Тельца в июле 1054 г.

Описанная китайскими астрономами вспышка была настолько яркой, что ее можно было наблюдать невооруженным глазом на дневном небе на протяжении 23 дней.

Продолжалась и тянувшаяся много лет дискуссия о возможности контактов с внеземными цивилизациями.

В середине семидесятых годов И.С. стал склоняться к мысли об уникальности жизни на Земле и нашем «одиночестве» во Вселенной. Не все, однако, были готовы принять и понять такой поворот в его взглядах...

— Странно, — сказал мне однажды И.С. Шкловский, — ну как же М.М. не понимает, что, не принимая эту мысль, он, по существу, отвергает то, что написано в Библии...

Иногда М.М. рассказывал о своих изысканиях в гебраистике. Я запомнил его рассказ о Гиллеле, законоучителе эпохи Второго Храма.

Однажды законоучитель шел вдоль берега серо-желтой, бурной реки и увидел утопленника

с красно-синим лицом и вывороченными из орбит глазами. И тогда, обращаясь к нему, Гиллель сказал,

— Ты убивал, и тебя убили, и те, кто убил, будут убиты...

Рассказ этот я запомнил надолго, но только через несколько лет понял, что воображаемая река из рассказа о Гиллеле слилась с воспоминаниями о реке Риони из времен детства.

30. Летом в Сухуми кофейни и рестораны открыты были до поздней ночи. На берегу горели огни, звучала музыка. Музыкальные репертуары ресторанов проверял сотрудник филармонии по фамилии Чайковский. Легкий, сладкий воздух смешан был с ароматом кофе и табака со старых табачных складов...

Гадание на кофейной гуще процветало, и в кафе, и в частных домах. Следовало различать гадание любительское и профессиональное. Вам могли рассказать о том, что с вами произойдет в будущем, но не упомянуть, что через пятнадцать минут вы попадете в аварию.

Однажды, еще в студенческие годы, греческая гадалка Лена рассказала моей матери о том, как сложится моя жизнь на много лет вперед. При этом она упомянула, что меня вскоре укусит собака. Так все и произошло. Я в то время находился в Тбилиси, а Лена гадала по выпитой мною до отъезда чашке кофе.

Летними теплыми вечерами множество людей прогуливались по набережной и собирались на площади, с которой уходил в мерцающее море длинный, изгибающийся причал на огромных, обросших мидиями быках. Черные шины, привязанные цепями к причальным тумбам, смягчали прикоснове-

ние судна к причалу в момент швартовки...

С причала доносились могучее дыхание теплоходов и запахи сохнущего сурика и белил, которыми матросы по утрам красили облезлые борта теплоходов с подвешенной на каналах люльки...

Каждое лето в городе появлялись самые разнообразные персонажи — ученые, актеры, поэты и даже религиозные вольнодумцы, вообразившие, что Абхазия была родиной Адама и именно здесь следовало искать спасения от приближавшегося конца света...

Штайнерианцы, мистики, каскадеры и поклонники дзэн-буддизма, мастера восточных единоборств, композиторы и сотрудники разведслужб отдыхали в разнообразных санаториях, домах отдыха и турбазах наряду с военнослужащими, партийными функционерами, шахтерами и работниками тяжелой промышленности.

Катера в Новый Афон отплывали от двух причалов. Маленький, плотный и курчавый майор Шапиро был начальником портовой милиции. Его мать торговала семечками неподалеку от развалин старой крепости. Он был прославлен своими черными кожаными штанами и фразой «Ваши документы, явашмамбал!». Сухумская шпана, да и не только она, Шапиро недолюбливала. От него зависел доступ на оконечность причала в те вечера, когда к нему подходили теплоходы, совершавшие круизы по Черному морю. Многие из тех, кто гулял по набережной, были не прочь провести вечер в баре на корабле, но для этого следовало поддерживать хорошие отношения с Шапиро.

Время от времени, встретив его на берегу, мой друг Менаш подходил к нему, пожимал руку, спрашивал о здоровье и всовывал в его ладонь несколько купюр.

Однажды, получив очередное приношение и расчувствовавшись, Шапиро сказал ему, — Хороший ты парень, Менаш, но тебя все равно посадят. И вот тогда я тебе помогу. — Как? — спросил Менаш с ноткой иронии в голосе. — Я устрою, чтоб тебя перевели в камеру с видом на море, — пообещал Шапиро.

31. В начале 60-х годов Вианор Пачулия, голубоглазый хитрец и альбинос, старейшина местных краеведов и лукавый философ, знакомил с городом одну молодую пару. Оба были поэты. Остановились они в гостинице «Абхазия», на набережной напротив входа на причал «Амры» и здания, где когда-то размещался пансион «Франция».

Однажды, улучив момент, молодая жена спросила у гостеприимного краеведа,

— Вианор, где тут у вас живут?

— Ну что ты, — воскликнул Вианор, — у нас такого давно уже не было...

Но поэтесса продолжала настаивать, и, в конце концов, Вианор сдался,

— Ну, может быть, на Михайловском кладбище, — сказал он.

На следующий день Вианора отыскал взволнованный муж,

— Она исчезла, — сообщил поэт, — вышла на пять минут после завтрака и исчезла...

НА «АМРЕ»

Вианор и поэт сели в маленький «Москвич» краеведа и сделали несколько кругов по городу, но поэтесса как сквозь землю провалилась. В конце концов, Вианор предложил поехать на кладбище.

— Отчего на кладбище? — недоумеваю, воскликнул взволнованный муж.

— Поэты часто ищут вдохновения на кладбищах, — уклончиво сказал Вианор, — кипарисы, могильные плиты и тишина привлекают поэтов...

— Хорошо, поехали! — услышал он в ответ.

Вианор развернулся и погнал «Москвич» в сторону горы Трапезия мимо ограды Ботанического сада. Он проехал под железнодорожным мостом и, не обращая внимания на доносившиеся из обезьяньего питомника вопли заключенных в вольеры обезьян, направил машину по шоссе между Трапезией и горой Чернявского...

Нагнали они поэтессу уже возле кипарисов Михайловского кладбища...

Позднее брак этот распался, и поэты приезжали в Сухуми раздельно.

Лет через десять после первого приезда в город поэт приехал в Сухуми зимой, и в тот же вечер зашел в ресторан «Амра».

Настроение у него было плохое, он сел за столик и заказал водку, соленья и «оджахури», т.е. «домашнюю» поджарку. В зале было прохладно, за огромными окнами было темно, и поэт пил водку, чтобы согреться. Вскоре он сильно опьянел. Его заметил подошедший к микрофону на эстраде Жора Попов. Он решил «подогреть» поэта и запел популярную в то время песню, написанную на стихи последнего. Но оказалось, что кроме Жоры никто из людей, сидевших в зале ресторана в тот вечер, не узнал поэта. Никто даже не повернулся в его сторону, а в свое время ему рукоплескали Лужники.

Через минуту поэт вышел из зала, покинул ресторан и направился к безлюдному окончанию причала, где, по-видимому, решил утопиться. Он уже перебрал одну ногу через пору-

чень и, глядя в небо, бормотал свои стихи, когда вышедший покурить Жора заметил его, схватил в охапку и проволоком на кухню ресторана, где заставил поэта выпить чашку горячего мясного бульона с чесночком.

— Послушай, — сказал Жора, — ты не имеешь права... Люди не поймут... Поэт, как и капитан, сходит с корабля последним, — добавил он.

Слова эти впечатлили поэта и, усадив его за столик, Жора Попов вернулся к микрофону.

Еще лет двадцать спустя уже не молодой, но именитый поэт устроил себе юбилей на поляне вблизи развалин древнего Циблиума.

Полуразрушенные башни и стены древнего города возвышались на двух холмах. Внизу, под обрывами текла река Кодор. С холмов видны были горы Северного Кавказа...

Выслушав приветственные слова, юбиляр встал и, обратившись лицом к развалинам, сказал,

— Все стареет и рушится, чистота и свежесть уходят, а на кого оставить русскую литературу я не знаю...

Присутствовавшие, а многие из них принадлежали к местной правящей элите, внимательно и с уважением его выслушали.

Во время банкета в Цебельде, на развалинах крепости, у нашего поэта была дача на побережье. Жил на даче и присутствовал за нею Жора Попов. Голос свой он давно уже пропил.

О какой именно «чистоте и свежести» говорил поэт, я не знаю. Поэты, кстати сказать, склонны ошибаться не меньше чем прозаики. Владимир Солоухин, например, бывавший в наших краях, в одной из своих повестей писал о «замечательном грузинском вине «Имерули».

Главный художник местного театра Женя Котляров, называл это вино «Умру ли?». Но Женя приехал в Сухуми из Тбилиси и знал толк в вине, живописи и многих других важных вещах.

Что же до вопроса о «чистоте» в применении к жизни обыденной, то девственность в Сухуми зачастую реконструировали

суровыми хирургическими нитками.

Один из знакомых, рассказывая о расторжении только что заключенного брака своего младшего брата, сказал, — Нам пытались сбрызнуть подержанный товар... Мы собрали ее чемодан и отослали ее вместе с чемоданом к родителям...

Мой знакомый был родом из Зугдиди, где его родители сдавали в аренду все необходимое для организации праздников под навесами свадоб, — брезент для сооружения навесов на случай дождя, кувшины для вина, стулья, столы, тарелки, стаканы, ножи, вилки, кастрюли и т.д.

Свадьбы обычно игрались осенью. Это было время урожая и нового вина. На хорошую сельскую свадьбу обычно забивали быка...

РЕНЕ КАЛАНДИЯ

32. Грузинский поэт-авангардист Рене Каландия вел радиопрограмму для жителей села, с которой он выходил в эфир раз в неделю. Именовал он эту программу «Рога и копыта». Ему было свойственно абсолютно естественное и ничем не замутненное чувство юмора. Одна из его книг называлась «Нервная мостовая», другая, более поздняя, — «Луч жизни без названия». Иногда он повторял слова из русского подстрочника его стихотворения:

И пускай рыдает Шагал,
Жизнь — это река без берегов...

У Рене не было пишущей машинки с русской клавиатурой, и я иногда перепечатывал его подстрочки. Он был в курсе того, что происходило в поэзии и, представляя мне своих товарищей по цеху поэтов, рекомендовал их примерно так,

— Вот это наш Сен-Джон Перс, ну а это просто Эзра Паунд...

При этом он лукаво улыбался. Себе он отводил роль Э.Э.Каммингса, а порой и Рене Шара. Иногда ему хватало славы Т.С.Элиота. Он покупал и прочитывал массу книг, отличался гостеприимством, и однажды, показав мне книгу о мифах индейцев кечуа, усмехнувшись, спросил,

— Как ты думаешь, ее действительно издали в Москве? Неужели там есть издательство, которое называется «Прогресс»?

Время от времени в его маленьком, с высокими книжными полками домике в полторы комнаты дневали и ночевали разнообразные звезды литературного мира. Иногда Рене прерывал свои рассуждения о поэзии высказываниями о ее творцах.

— Они не умеют пить, — так, несколько извиняющимся тоном, определил Рене первородный грех московских авангардистов.

Однажды осенью он позвонил мне около девяти вечера и попросил прийти, сообщив при этом, что один из его гостей прочитал мои тексты и хочет со мной поговорить.

Жил я по соседству, достаточно было перейти Белый мост над Беследкой и завернуть в переулок, где располагалась пожарная команда.

Была теплая звездная ночь, желтые пятна фонарей тонули в темной, как вино «Саперави», гуще небес. Звуки шагов гулко отскакивали от полуразрушенного асфальта, внизу, под мостом тихо шумела река.

Переход от подножья горы Чернявского к подножью горы Баграта соответствовал переходу из одной исторической эпохи в другую, менее известную, но, безусловно, более романтическую и даже связанную с именем царицы Тамар.

Войдя в домик, где жил Рене, я увидел крупного полубоушенного мужчину восточной наружности, раскинувшегося на диване посреди гостиной. Поза мужчины и его жесты, его черные, колечком вьющиеся кудри и властный взор наводили

на мысль о шалопинском Олоферне с полотна работы Александра Головина.

Цветущая белокурая женщина, облаченная в строгий костюм, сидела на краю постели.

— Она ждет такси, — пояснил Олоферн.

Вскоре послышался шум подъехавшего автомобиля, женщина встала и в сопровождении Рене направилась к машине, а Олоферн простился с нею, слегка помавав ей вслед рукой.

— Как видите, я выжил, — сообщил мне мужчина.

Затем он улыбнулся, — Простите, я не могу встать, я совершенно обессилен, — признался он, — но я хотел бы поговорить с вами... Я читал ваши вещи всю ночь, — добавил он без тени улыбки.

33. В те времена со многими книгами, теперь уже хорошо всем известными, приходилось знакомиться в ксерокопиях с нелегально привозимых в страну зарубежных изданий. Кроме того большое хождение имели машинописные копии тех или иных неперезданных книг. Однажды мой товарищ из Института экспериментальной медицины и патологии принес в кафе папку с отпечатанной на машинке подборкой стихов Мандельштама.

С его поэзией я познакомился еще в студенческие годы, в тбилисском кафе «Кофе». Теперь же папка со стихами попала ко мне домой, и загадочная строка «Играй же на разрыв аорты, с кошачьей головой во рту...» долго не отпускала меня...

Спустя несколько лет, доктор Папая обратил внимание на обстоятельство гибели одного из персонажей в моей повести о жизни врача, вынужденного лечить сбежавшего из тюрьмы преступника. Убийца засунул в рот своей жертвы кошачью голову, «ведь кошка является символом лжи и предательства в наших местах».

— Откуда ты про это узнал? — спросил Марлен, прочитав отпечатанный на моей «Эрике» текст. — Ведь это очень старый обычай...

Продолжение следует